

ОБ ОСНОВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

— Наконец-то я вернулся домой!
Это моя настоящая страна! Я
принадлежу ей. Это та самая стра-
на, которую я искал всю мою
жизнь...

Клайв Стейплз Льюис
«Хроники Нарнии»

«Тупики в спорах нередко возникают и по другой причине. Сравнительно-исторический метод видят в том, что берут высказывания Маркса и Энгельса, относящиеся к истории Англии и Франции, и в лучшем случае занимают поисками русского своеобразия относительно этого эталона, а в худшем — механически переносят оценки явлений и процессов на Россию. Задача состоит не в том, чтобы выискивать в истории России черты, сближающие эту историю с историей Запада или Востока, а в том, чтобы изучать историю нашей Родины независимо от эталонов, такой, какой она была» (Н. И. Павленко).

Прекрасная мысль историка, высказанная почти тридцать лет тому назад,— точная, глубокая и сильная. Многими отвергнутая. Сегодня, конечно, убеждать кого-либо в том, что русская история отмечена неповторимым своеобразием, самобытностью, отличающей ее исторический путь от истории других народов, стран и цивилизаций, уже не нужно. Это представляется самоочевидным.

Но увидеть Россию такой, «какой она была», «независимо от эталонов», не пытаясь представить ее неким средостением между Западом и Востоком, не прибегая к чуть ли не арифметическому подсчету западного и восточного влияний в ее истории,— это все еще остается задачей, целью, мечтой. Задачей остается и стремление увидеть и понять Россию не в противопоставлении ее внешнему миру, не в изоляции от него, не в ослепляющем увлечении исключительностью ее исторического движения. И то и другое — крайности, равно опасные. Первая унижает прошлое, вторая — мифологизирует и искажает его.

Итак, рассмотрим основные особенности древней и новой истории России, факторы ее своеобразия.

Геополитические факторы. В наибольшей степени геополитическую роль России определяли четыре обстоятельства: срединное положение страны между Востоком и Западом; отсутствие серьезных природных преград как на западных, так и на восточных границах; принятие ею православного варианта христианской религии; появление «русской идеи» в различных ее модификациях и формах.

Два первых обстоятельства предоставляли Руси— России возможность с относительной легкостью обмениваться социально-экономическими и культурно-политическими идеями, практическими достижениями как со странами Европы, так и с народами Востока. Однако на пути осуществления этой привлекательной возможности часто возникали непредвиденные препятствия.

Так, в X в. Русь стала козырной картой в противоборстве мировых религий. К этому времени христианская Европа с запада (Испания, захваченная арабами) и юга (север Африки) оказалась окруженной мусульманскими народами. От выбора Киевом религии зависело очень многое, может быть, и будущее остальной Европы. Принятие Русью православия облегчило положение самых отдаленных от нее христианских народов, зримо отодвинуло от них воспринимавшееся как угроза распространение мусульманства.

В то же время принятие восточными славянами христианства в восточном, византийском варианте не делало их европейцами в буквальном смысле этого слова. Формального раскола церкви еще не произошло — это случилось чуть позже, в 1054 г., когда взаимное проклятие папы римского и константинопольского патриарха сделало реальностью давно назревавший разрыв православной, византийской, и католической, западноевропейской, христианских церквей. Русь переставала быть языческой, могла вести дипломатию «именем Христовым», но, с точки зрения католического Запада, она была еретичкой, раскольницей. Сделав свой религиозно-политический выбор в пользу быстро стареющей Византии и малоавторитетной Болгарии, Русь, в той или иной степени, оставалась изолированной от Европы и стран Востока, причем эта изоляция до XVII в. не только не ослабевала, но и усиливалась неблагоприятными внешними обстоятельствами.

В результате монголо-татарского нашествия и ига страна на полтора столетия была, в сущности, изъята из той сферы международных отношений, в которой она привык-

ла ощущать себя полноправным и постоянным участником. В XV в. после освобождения от ордынского гнета, на международную арену вышла уже иная держава. В XIII—XIV столетиях Русь крепла и развивалась в противопоставлении «поганым», завоевателям.

Позже место монголов в общественном сознании занимают «латиняне», католики Великого княжества Литовского и Польши. Особенно усилилось самопротивопоставление Руси остальному миру после захвата Константинополя и Балкан турками-османами (Константинополь, «второй Рим», пал в 1453 г.). По мнению русской церкви и широких народных масс, крушение Византийской империи произошло в результате отказа ее от истинной православной веры. Уния с католиками рассматривалась как грех, первопричина краха Византии.

Русское национальное самосознание, формировавшееся в условиях драматической борьбы за создание и укрепление единого Российского государства, в качестве одного из существенных элементов включало в себя распространенное во всех слоях общества убеждение, что единственной опорой и хранительницей истинного благочестия, настоящего православия остается Россия, российская государственность. О рождении русской идеи возвестила концепция, воплощенная в известном постулате о «Москве — третьем Риме». Московское государство понималось как образец общественного устройства, прочно и твердо стоящего на почве верности христианскому учению и церкви Христовой.

Важной частью политического и духовного развития России становится противопоставление православной державы ее западным и восточным соседям. Дело доходит до отказа или прямого запрета иерархами церкви читать греческие книги, заниматься европейскими науками; утверждается настороженное отношение к иностранцам как недругам, еретикам. Трагедия «Смутного времени» начала XVII в., сопровождавшегося массовой агрессией Польши и Швеции, это отношение усиливала.

Возникает, однако, и другая тенденция. Затяжные войны, столкновения с Польшей и Швецией заставили Россию иначе взглянуть на своих европейских соседей. Отставание от европейского технического и технологического уровня, пробелы в тактике, вооружении, организации войска вынудили страну переосмыслить сложившиеся стереотипы пренебрежительного отношения к иностранцам и ино-

странному. С этого периода крупные войны приобретают для России не только значение вооруженных конфликтов и территориальных приобретений, но и более широкий исторический смысл. Обычно отмечают, что сами войны, а также подготовка к ним играли двоякую роль: с одной стороны, «информационную», с другой — «сравнительную». Расширяя географический, политический, научный, военный горизонт (вспомним хотя бы значение Северной войны 1700—1721 гг.), они вместе с тем объективно выявляли сравнительные характеристики уровней развития техники, военного дела, экономических структур, прочности социально-политического строя. Наиболее показательны в этом отношении Отечественная война 1812 г. и Крымская война 1853—1856 гг. Они имели важное общественное, внутривнутриполитическое значение, выступая стимулом к реформам и переменам.

Со второй половины XVII в. начинается упорная погоня России за европейской экономикой, бытовой и художественной культурой. Реформы, назревшие к концу столетия и решительно проведенные Петром I в начале XVIII в., поставили Россию в принципиально новое положение на международной арене — положение «великой европейской державы».

Россия, провозглашенная империей в последние годы правления Петра I, заставила считаться с собой все европейские страны. Знаменитое высказывание видного царедворца Екатерины II графа А. Безбородко: «Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела» блестяще иллюстрирует это новое положение. Его показателем можно, в частности, считать и то, что вскоре после смерти Петра I по миру начала гулять фальшивка о «завещании» императора, в котором он якобы наметил программу завоевания мирового господства и установления военно-политической гегемонии России.

Вершиной внешнеполитического влияния России стала первая четверть XIX в., когда ей удалось сокрушить Наполеона, получить кровью оплаченный титул «освободительницы Европы» и стать во главе Священного союза. Позднейшие колебания ее внешнеполитического статуса (особенно международный авторитет России упал к 1856 г. — году поражения в Крымской войне) не трагивали, в сущности, базисных основ ее положения как «великой державы». Ни тогда, ни позже никто из мировых

политиков не мог не считаться с возможностями и влиянием России. С приближением общеевропейских или мировых конфликтов все хотели видеть ее в числе союзников. Мощный ресурсный и людской потенциал, специфика геополитического положения позволяли России играть одну из ведущих партий в мировом оркестре. XX в. в этом смысле мало что изменил.

Географические условия и особенности экономики. Начинать изучение древней истории России с анализа ее географического положения и особенностей территории давно уже стало своеобразной историографической традицией, утвердившейся уже в работах Н. М. Карамзина и С.М.Соловьева. Природно-климатические и географические факторы действительно во многом определяли тенденции развития общества, специфику его структуры и экономического положения.

Русь—Россия расположилась на бескрайней равнине от Приднепровья до Поволжья, постепенно распространяясь на уральские и сибирские пространства, на Кавказ и Среднюю Азию. Ее коренные земли отличались богатством водных путей, что, бесспорно, облегчало как товарообмен, так и освоение новых регионов. Процесс колонизации, хозяйственного и политического освоения обширных территорий растянулся на многие века, и вряд ли можно с уверенностью сказать, что он окончательно завершился даже в наши дни.

Равнинный характер территории, обилие речных путей не только помогали нашим предкам, но и открывали их земли для многочисленных вторжений, заставляя быть постоянно начеку, в готовности дать отпор вражеским набегам.

Славяне издавна занимались земледелием; довольно долго оно оставалось для них одним из важнейших способов выживания и не обретало характера расширенного воспроизводства. Пахотные земли России можно условно подразделить на две основные зоны — лесную и степную, причем лишь вторая является достаточно плодородной, содержит богатые черноземные пласты, позволяющие получать относительно высокие урожаи без интенсивного удобрения почв. Обилие свободных земельных пространств давало землепашцу возможность постоянно менять надел, довольно долго пользоваться подсечной системой земледелия. Земля кормила крестьянина, но не могла стать источником его богатства. Вероятно, поэтому, как

отмечают многие историки, отношение к ней сельского жителя вряд ли может быть признано бережным. Еще В. О. Ключевский писал о неповторимом умении древнерусского хлебороба «истощать почву».

Значительное влияние на хозяйственные занятия населения Руси—России оказывали ее климат и северное положение. Климат нашей страны относится к континентальному типу. Осадки обильнее всего выпадают на северо-западе, т.е. там, где почвы беднее, и в основном во второй половине лета. Даже незначительные отклонения от сезонной нормы могут в этих условиях привести к сложностям и катастрофе в уборочное время.

Северное расположение страны ограничивало период, пригодный для сева и уборки, пятью с половиной месяцами в году (в Европе он составляет 8—9 месяцев). Холодная же зима ставила перед крестьянином новые трудности, заставляя его содержать скот в закрытом помещении на два месяца дольше, чем в Европе. Недостаточная продуктивность мясомолочного хозяйства, хроническая нехватка органических удобрений были неизбежным следствием этого положения.

Жесткие природно-климатические и географические условия ставили российское крестьянство в чрезвычайно сложные обстоятельства. С неизбежностью увеличивались трудозатраты на производство продукции; сохранение и консервация различных форм коллективного труда оставались объективной необходимостью. Этим, в частности, объясняется удивительная живучесть и прочность традиций общественного хозяйствования, совместного возделывания земли и пользования угодьями, которая ярко проявилась в начале XX столетия, в годы проведения аграрных реформ П. А. Столыпина. Усилия, направленные на разрушение крестьянской земельной общины, ожидаемых быстрых результатов не дали. Общинные традиции оказались сильнее реформ.

Важным элементом русской экономики издавна были промыслы: охота, бортничество, рыболовство; позже промыслы усложнились, превратившись в разветвленную сеть мелкой крестьянской промышленности.

Развитие промыслов, крестьянской, а позже крупной мануфактурной и фабричной промышленности опиралось на богатство природных ресурсов: лес, реки, руды, уголь, с конца XIX в.— нефть. Их усиленная эксплуатация — характерная черта экономики традиционных обществ и

обществ, переживающих стадию индустриальной модернизации,— придала российской промышленности сырьевую, затратную направленность, не преодоленную вплоть до настоящего времени.

О значении торговли уже в ранний период русской истории говорит хотя бы то обстоятельство, что поход князя Олега в 882 г., объединивший Новгород и Киев, два древнейших очага восточнославянской государственности, не в последнюю очередь был вызван потребностью держать под контролем весь путь «из варяг в греки». В дальнейшем внешняя политика Киева во многом определялась стремлением к завоеванию новых торговых путей или очисткой от конкурентов путей традиционных. Обмен с восточными соседями и Византией оказался делом настолько выгодным, что торговля, наряду со сбором дани с подвластных племен, стала главной заботой киевских князей.

Уже тогда, в первые века истории России, выявилась одна из характернейших черт экономического развития страны — активное участие государства в экономике, по сути определяющее значение власти в хозяйственной жизни страны. Крупное землевладение у восточных славян первоначально возникло в форме государственного, княжеского права на землю и лишь позже приобрело характер частного, вотчинного, что не было специфически-самобытным в раннесредневековой Европе. Но дальнейшее усиление государственного начала, возрастание роли государства в развитии экономики должны рассматриваться как особенность российской истории.

Особенно ярко роль государства проявилась при возникновении крупной российской промышленности. Она была в полном смысле выращена самодержавным правительством в конце XVII — начале XVIII в. Знаменитые петровские мануфактуры возникали как государственные — в первую очередь в отраслях, работавших на военные нужды. Государство вкладывало огромные деньги в строительство национальной промышленности; оно оберегало ее высокими таможенными тарифами и протекционистскими пошлинами. Появление частных мануфактур не снизило активности государственного аппарата: регламенты, ревизии, казенные заказы — все это оставалось инструментом влияния государства на темпы и направления экономического роста, влияния, не ослабевшего и после реформ 60-х гг. XIX в. Жесткая и подчас мелочная регламентация предпринимательской деятельности, созда-

ние неодинаковых условий для государственного и частного кредитования, регулирование отношений между фирмами при помощи государственных заказов, использование принудительного труда характеризовали экономическое развитие страны и в XIX, и в XX столетиях.

Несомненна и связь активного участия в хозяйственном росте государства с юридическим и фактическим оформлением в России крепостничества. С середины XVI в. возрождалось стремление решать острейшие для страны проблемы развития аграрного производства, обеспечения рабочими руками вотчин и поместий за счет закрепощения труда в общегосударственном масштабе, прикрепления земледельца к земле и личности землевладельца. Не увлекаясь деталями, отметим главное. Крепостничество, с одной стороны, как единая система, насаждавшаяся и поддерживавшаяся сверху, устанавливало определенное единообразие, придавало внешнюю прочность экономике огромной страны. С другой стороны, в силу явственной элементарности, консервативности, малой эффективности, примитивной жесткости, крепостничество не только сообщало системе устойчивость, но и обуславливало ее малоподвижность, невосприимчивость к любым, даже необходимым изменениям. Оно неизбежно обрекало экономику России на длительное техническое и технологическое отставание, сопротивляясь самым незначительным попыткам внедрения чуждых ей предпринимательских начал.

Отмена крепостного права в 1861 г. не могла дать быстрого экономического эффекта: сформировавшаяся за столетия рабства психология и работника, и работодателя должна была постепенно измениться под воздействием новых обстоятельств. Процесс перестройки и экономики страны, и сознания населения шел чрезвычайно болезненно — это была грандиозная по своим масштабам и значению деятельность. Остатки крепостничества, не до конца преодоленные реформами 60—70-х гг. XIX в., еще более затрудняли решение назревших проблем. И если система частновладельческого крепостничества была в основном сокрушена в эти годы, то крепостничество государственное сохранялось — его традиции, ослабленные, но не прерванные, унаследовала и Россия XX столетия.

Крепостничество, вкуче с внешними обстоятельствами, негативным образом повлияло и на состояние российской торговли. Начиная с XV—XVI вв. внешняя торговля страны находилась в руках иностранных купцов и, в силу разных

причин, оставалась в этих руках до конца XVIII в. Внутренний же обмен страдал от заметной узости российского рынка — не в последнюю очередь обусловленной тем обстоятельством, что, покупательная способность населения даже в XIX в. была весьма низкой. Может быть, поэтому торговля в России очень долгое время носила ярмарочно-базарный характер; стационарные, магазинные формы ее организации появились лишь в XIX в. Первый банк в стране был создан правительством только во второй половине XVIII в.; отсутствие развитой банковской сети делало невозможным распространение кредитной системы и затрудняло развитие торговли.

Социальная структура и социальные отношения. Особенности российской экономической жизни сказывались и на формировании социальной структуры Руси—России. Правильная, четкая сословная организация здесь складывалась долго и тяжело, причем сословия образовывались при постоянном давлении государства, а то и прямо создавались им. В результате и сословное самосознание вырабатывалось медленно и не было достаточно устойчивым.

Причинами, определявшими такое становление социальной структуры России, были роль и политика государства, а также длительное существование крепостнических отношений, пронизывавших все сферы жизни общества. Само Российское государство, сложившееся не только под воздействием экономических предпосылок и на фундаменте противоречивых социальных интересов, но и под давлением внешних обстоятельств, в значительной степени влияло на формировавшиеся социальную структуру и социальные отношения.

До середины XVII в. они оставались достаточно «невнятными»: окончательно выстроенной социальной пирамиды не сложилось. Этим, по-видимому, можно объяснить особую устойчивость социально-политического строя России: ее некое родовое единство не могли поколебать даже Смутное время и мощные социальные движения, участвовавшие крестьянские и городские бунты.

Отмеченные единство и стабильность имели свою «цену». Дело в том, что чрезвычайно медленно и трудно шел процесс сословного самоопределения, формирования выраженных сословных требований и интересов. Общественное влияние на выработку проводимого государством политического курса в этих условиях оставалось крайне слабым и неопределенным; накапливавшееся глухое недо-

вольство искало выхода — и размеренное течение жизни периодически нарушалось взрывами стихийного и потому разрушительного протеста.

Да и само государство, в лице монархов прежде всего, смотрело на население России как на некую единую массу подданных, массу, главной задачей которой являлось сохранение, укрепление и упрочение государственных устоев. Ограничение сословных свобод становилось одним из способов усиления государства.

Закрепощение крестьян, являвшихся главными производителями материальных благ, не было ни единственным, ни последним по времени шагом, ограничивавшим свободу целых социальных слоев. Ведь за главными производителями необходимо было наблюдать, ими надо было руководить, подавлять их недовольство. Позже страна стала нуждаться в людях свободных профессий, интеллигентских занятий: инженерах, врачах, журналистах, художниках. Развитие промышленности требовало создания слоя предпринимателей и «рабочих людей».

Все эти новые, или «старые-новые», сословия с момента своего рождения попадали в жесткую зависимость от государства и его правительственного аппарата. Последнее обстоятельство не только превращало эти слои в своеобразных «крепостных» государства, но и делало их социальный облик достаточно своеобразным, отличным от классического, мешало им осознать свои сословные интересы, включиться в политическую жизнь.

Можно перечислить немало особенностей основных общественных слоев России, связанных с охарактеризованными выше обстоятельствами. Например, ее высшее сословие — дворянство — было освобождено от обязательной государственной службы и телесных наказаний лишь в 1785 г., а впервые заявило о своем несогласии с правительственным курсом восстанием на Сенатской площади в 1825 г. Буржуазия долгое время думала не о собственных классовых интересах, а стремилась попасть в число дворян, ибо это гарантировало владение землей и крепостными. Интеллигенция, отчасти выросшая из образованных, просвещенных слоев дворянства, отчасти обязанная своим рождением государству, приложившему во второй половине XVIII — начале XIX в. немало усилий для формирования слоя лиц, имевших специальную профессиональную подготовку и происходивших из так называемых разночинцев, обрела в России совершенно особый, во многом уникальный

социальный статус. Бюрократия, представлявшая собой специфический общественный слой со своими интересами и видением ситуации, по долгу службы участвовала в становлении социальной структуры России. Будучи несвободной сама, она, в силу своего положения, превратилась к XIX в. в полноправный класс русского общества, формализовавший и контролировавший жизнь страны.

При всех отличиях между сословиями и классами их сближало то, что в глазах верховной власти они оказывались не гражданами, а верноподданными. Гражданское общество, которое характеризуется не только наличием определенной социальной структуры, но и неотъемлемыми правами ее отдельных слоев, начало складываться в России лишь в начале XX в. Завершить его становление не удалось.

Особенности строительства социальной структуры в стране привели к тому, что российское общество с XVIII в. все более явственно распадается на слои, определявшиеся не только классовыми или сословными признаками. Происходит, например, отрыв образованных слоев населения от широких народных масс. Две эти группы населения начинают придерживаться разных культурных ориентации — да и говорить в буквальном смысле слова на разных языках. «Страшно далеки они от народа» — это довольно точная характеристика данного разрыва. Некоторые исследователи отмечают даже существование в России XVIII — начала XX столетия «двух наций», одна из которых полностью исчезла в потрясениях 1917—1922 гг.

Своеобразие социальной структуры и социальных отношений не только определялось экономическими и политическими факторами, но и активно влияло на них, придавая, в частности, существенное своеобразие политическому строю страны.

Политический строй и общественное движение. Государственные порядки создавались на Руси не только вследствие внутреннего развития общества, выраставшего из традиционного родоплеменного строя, но и под сильным давлением внешних обстоятельств. Среди последних в ранний период главную роль играли постоянная опасность вооруженных набегов соседних племен и интересы внешней торговли. Становление единого Российского государства в значительной степени было ускорено необходимостью освобождения от монголо-татарского ига. Процесс закрепощения крестьянства, завершившийся в XVI—XVII вв.,

предопределил торжество тенденций, ведущих к ужесточению государственных начал, усилению их роли в общественном развитии, поддержанию гражданского мира вооруженной рукой.

Первые киевские князья варяжского происхождения со своими дружинами сыграли немаловажную роль в становлении государства восточных славян. Они стали своеобразным катализатором процесса, шедшего достаточно давно, помогли установить более тесные связи между различными частями страны, сумели наладить оборону ее границ. Эти же князья способствовали активизации внешнеторгового обмена Киевской Руси с ее ближайшими соседями.

При всей преемственности перехода Киевской Руси в Московскую между этими двумя государственными образованиями существовали значимые различия. Приднепровье сначала заселилось, а затем получило княжескую власть. Северо-восточные земли колонизировались при участии ростово-суздальских, владимирских или московских князей. Киевская Русь старалась придерживаться родового принципа передачи княжеского стола: от брата к брату, от дяди к племяннику. Северо-восточные земли переходят к отчинному принципу передачи власти — от отца к сыну.

Владимирские, а затем и московские князья смотрели на княжество как на свою вотчину, а на людей, переселявшихся к ним (процесс переселения был стимулирован монголо-татарскими набегами, делавшими невозможной нормальную жизнь в степных районах), как на сидевших на княжеской земле работников. Количество земли начинает определять значимость и вес князя, поэтому приобретение новых владений становится насущной задачей князя-вотчинника. В период монголо-татарского нашествия и ига определяется и тип отношений между сословиями, стоявшими на верхних ступенях социальной пирамиды. В Киевской Руси постепенно складывались отношения, близкие к отношениям вассальной зависимости дружины, а затем и бояр от княжеской власти. При этом формировались некие нормы, существование которых гарантировало вассалам поддержание определенной дистанции от князя. В XIII—XIV вв. на Руси побеждает подданничество, не оставившее и следа от прежних вольностей и относительной независимости знати, а также и городов.

Приобретение земель, оставаясь насущной задачей московских самодержцев, начинает постепенно сдавать позиции перед новой проблемой — укреплением единоличной

власти государя. Установление и сохранение единовластия проходит через всю русскую историю, причем иногда эти усилия совпадали с требованиями времени — и тогда страна получала крупных, а то и великих правителей (Иван III, Петр I, Екатерина II), иногда же личные интересы монарха повергали подданных в ужас бессмысленного террора (Иван IV Грозный).

В XVIII в. Россия созрела для установления в ней абсолютизма, который имел ряд существенных особенностей. Слабость буржуазных отношений, специфика городского развития обусловили отличия российского абсолютизма от его европейского аналога. Источниками становления данного режима в нашей стране были особая расстановка сил в господствующих слоях, обострявшаяся социальная рознь и (не в последнюю очередь) мощные внешние факторы, в особенности институциональные примеры Западной Европы.

Получив неограниченную, абсолютную власть, монарх отныне выступал единственным инициатором реформ и любых других изменений в жизни страны. При этом он зачастую следовал объективной необходимости, но не всегда обращал внимание на готовность к реформам населения России. В качестве союзника и исполнителя своих проектов монархия использовала только бюрократию и возможности государственного аппарата. В конечном счете это вызвало раздражение повзрослевшего общества, выплеснувшееся наружу во второй половине XIX — начале XX в.

Все сказанное позволяет констатировать, что сложившаяся традиция государственно-политического развития России имела трагически-противоречивый характер. С одной стороны, огромная роль государственных начал в общественной жизни, крайняя персонификация власти, ее высокий социальный статус как власти по существу сакральной, священной, объективно закрепили за государством значение не просто главного, а, пожалуй, единственного гаранта целостности, стабильности и единства страны. С другой стороны, гипертрофия государственных функций достигалась за счет самостоятельности, самостоятельности, инициативы общества, независимости сословий и классов, сужения каналов воздействия последних на направления и формы политического развития. «Государство пухло, а народ хирел» (В.О. Ключевский) — на протяжении веков эта формула, увы, оставалась истинной. Балансируя между необходимостью преобразований и

жизненной потребностью в обеспечении устойчивости традиционных общественных структур, гарантировавших стабильность, государственная власть, как правило, выбирала второе, и выбор этот был предопределен изначально.

Отсутствие институализированной, нормативно определенной политической жизни препятствовало формированию политической культуры и политической традиции. Следствием этого явилось развитие чрезвычайно импульсивного, радикально настроенного общественного движения. Возглавляемое не дворянством или буржуазией как классами, а интеллигенцией, усматривавшей свое предназначение в том, чтобы выражать «интересы страдающего народа», оно с самого начала XIX в. вступило в резкий конфликт с правительством, который после целого ряда жестоких столкновений разрешился драмой 1917 г.

Учитывая особенности российского социально-политического развития, вряд ли можно было ожидать иного исхода. Зажатое между лозунгами официальной идеологии и жесткой практикой карательных органов, общественное движение России с годами усваивало все более решительный тон, не имея возможности понять необходимость политического центра и ценность либерализма. Впрочем, последнее было трудно сделать, ибо роль инициатора реформ, центра и охранителя в разные периоды играло само правительство, постепенно утрачивавшее ясность видения ситуации и определенность политических принципов. В этих условиях либеральный лагерь не смог и не мог выработать четкой программы, организовать, сплотить сторонников, а радикальные общественные течения, борясь с государством, вдохновлялись близкими к правительственным верхам идеями «насильственного прогресса».

Революционное движение, действовавшее в подполье, скатывалось или к индивидуальному террору, или к тактике заговора. И охранители в правительстве, и революционеры-бомбисты полагались на силу. Первые стремились удержать общество в старых рамках, вторые — втянуть его в теоретически светлое будущее, не спрашивая при этом согласия или несогласия народа России, считавшегося недостаточно зрелым для участия в определении своей судьбы.

К началу XX в. противостояние общественных лагерей обострилось настолько, что первый же серьезный социально-политический кризис мог обернуться катастрофой. Не успев оправиться от революционных потрясений 1905 г.,

Россия оказалась втянутой в первую мировую войну. Порожденный ею общеевропейский кризис больше всего ударил по России, однако этот удар и эта боль отозвались во всем мире.

Церковь и государство. Православие очень многое изменило в жизни России. Оно дало письменность, школы, суды, новые законы. Церковь опекала нищих, убогих, больных. Родовые, племенные, дружинные связи переосмысливались отныне на основе не только утверждения государственного начала, но и формирования особой духовной общности, свойственной русскому православному обществу. Церковь поднимала значение княжеской власти, борясь со взглядами на князя лишь как на военного вождя. Она принесла на Русь освященную иерархию, духовно связывавшую ее части друг с другом.

Восприятие Русью христианства не было, однако, процессом быстрым и легким. Пришедшее из Византии русское православие далеко не сразу освоило премудрости византийской религиозной мысли. Один из ярчайших представителей славянофильства А. С. Хомяков давно обратил внимание на то обстоятельство, что Древняя Русь восприняла только внешнюю форму, обряд, а не дух и сущность христианства. Действительно, богословские искания занимали скромное место даже в жизни древнерусских монастырей. В миру же, по словам профессора Е. Е. Голубинского, народная масса Руси ничего не успела освоить в домонгольский период — ни внешности, ни внутреннего смысла, ни образа, ни сущности христианской религии. Проблема усугублялась тем, что своих кадров священников было мало, а греческие и болгарские — слишком оторваны от русской жизни, далеки от ее понимания. Постепенно константинопольские иерархи исчезают с русской арены, но вместе с ними прекращается и систематический приток греческих духовных сил.

Временами положение с богословской подготовкой священнослужителей становилось катастрофическим. В XVI в. Стоглавый собор отмечал, что, если не посвящать в сан неграмотных, церкви останутся без пения, а христианам придется умирать без покаяния. В XVI—XVII вв. устанавливается своеобразный компромисс между пастырями и паствой. Духовенство снижало требования, предъявляемые к знаниям мирянами содержания вероучения, либо вообще не пыталось формировать их. Мирянам же, затверживавшим понятия об обрядах, молитвах и культе,

чужды были рассуждения о догматических тонкостях. Богословские искания, размышления о сущности религиозных истин оставались привилегией крайне узкого круга высокообразованных священнослужителей. Духовные прозрения, сопровождавшие эти искания, поразительны, но они являлись достоянием немногих.

Уже Киевская Русь, находившаяся в зоне цивилизационного влияния Византии, восприняла важнейшие нормы, определявшие взаимоотношения государственной власти и церкви, утвердившиеся в империи. Византийская православная церковь не пыталась притязать на участие в политической жизни, категорически осуждала амбиции главы католической иерархии, римского папы, направленные на установление теократии и фактическое подчинение светских государей собственной власти. Верховенство императора, опекающего церковь и заботящегося о поддержании христианского мира в государстве, уход церкви от мирских страстей и политической борьбы — таковы принципы, представлявшиеся византийскому православному духовенству единственно соответствующими религиозной доктрине.

С момента своего возникновения церковь на Руси находилась под покровительством и влиянием княжеской власти. Само крещение, инициированное князем Владимиром I Святым, могло стать реальностью только при условии активных и целенаправленных усилий светских властей. Новые епархии возникали по желанию и при активном участии князей. Самоосвобождение русской церкви от византийской было настолько же делом национальным и церковным, насколько и политическим, и проходило при твердой поддержке государства.

Материальное благосостояние русской православной церкви покоилось на обладании землями и сидевшими на них крепостными; участия в торговых операциях, ростовщических сделках, промышленном предпринимательстве православное духовенство не принимало. В результате угроза конфискации или даже ограничения церковного землевладения ставила церковь в прочную зависимость от государства.

Идейно-религиозный кризис середины XVII в. и последовавший за ним раскол церкви еще более усилили ее зависимость от светских властей. Без помощи государства официальной церкви вряд ли удалось бы справиться с раскольниками со столь незначительными потерями. Все это

предопределило превращение церкви в одно из подразделений государственного аппарата в первой четверти XVIII в., когда по указу Петра I для управления церковными делами был организован Синод во главе с назначаемым императором обер-прокурором.

В дальнейшем жизнь русской православной церкви протекала как бы в двух плоскостях. Основная масса священников, мало озабоченных высшим смыслом своей духовной деятельности, превратилась в своеобразных государственных служащих. Высокими размышлениями и подвижническим трудом была охвачена небольшая часть клира, посвятившая себя поиску духовных идеалов и следованию Христовым заповедям в реальной жизни. В частности, широко известна деятельность старцев Оптиной Пустыни, которая вдохновляла всех мыслящих и чувствующих людей России. Многие из них, истинно и глубоко верующие, испытывали глубокую тревогу относительно церковных дел. Положение церкви, ее подчинение политике и интересам государства, забвение роли и предназначения духовного пастыря казались им более чем опасными. О необходимости обновления церкви, ее более активном участии в духовной жизни России, ее влиянии на общественную нравственность говорили и писали славянофилы, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев.

Некоторые черты духовной жизни. Православие, бесспорно, являлось одной из основ духовной жизни общества, основ глубинных и неуничтожимых. Русское православие, близкое к православию византийскому, имело свои особенности: большая связь с природой, миром, предпочтение, которое отдавалось Божьей Матери, Троице перед Софией, глубокий интерес к эстетической стороне религии.

В XV в. начинается выработка комплекса представлений, обычно определяемого понятием русской идеи. Русская идея не была, однако, монолитна и одновариантна. По крайней мере о двух ее обликах следует сказать.

С одной стороны, это была мечта об обществе, соединенном узами соборности, т.е. высочайшего духовного единства; общества, в котором формы политического устройства являются второстепенными по сравнению с внутренним единством народа. Сторонники этой идеи были убеждены в том, что Русь—Россия обладала той религиозной истиной, которая может быть признана единственно верной, единственно правой. Но обладание истиной еще не есть знание истины. Русь должна познать

свое предназначение, проникнуть в смысл истины и устроить свою жизнь в соответствии с нею. Осознание высоких истин и последующее их практическое воплощение в идеальном государстве воспринималось как миссия, возложенная на русский народ, его высшее предназначение.

С другой стороны, возникла и крепла теория, согласно которой Русь—Россия не только обладала истиной как задачей, целью своего исторического существования, своей миссией, но уже осознала ее и успешно претворила на практике, выстроив по-настоящему христианское государство. Сторонники данной теории полагали, что миссия России заключается не в работе духа и мысли, не в нравственном совершенствовании, а в распространении идеальных порядков на другие страны и народы.

Различия этих интерпретаций русской идеи заметить нетрудно. И дело не только в том, что вторая из них оправдывает имперскую по сути политику и явственно претендует на жесткое менторство в отношении остального мира. Главное, что они вдохновлены разными ценностями. В первом случае ценится истинная элита нации — люди ищущие, неудовлетворенные, совестливые; во втором — на первый план выступают деятели решительные, не подверженные сомнениям, жестокие в осознании ими собственной правоты. Борьба двух указанных тенденций проходит через всю новую и новейшую историю России, не прекращаясь и не ослабевая до сегодняшнего дня. Она диктует различные подходы к самым разным проблемам, определяет суть и форму их решений.

Дискуссии по теоретическим вопросам плодотворны и приносят положительный результат тогда, когда к высказанным идеям относятся как к обычным порождениям человеческого разума, которому свойственно увлекаться, ошибаться, излишне осторожничать или забегать вперед. «Пытливости нашей нет конца: конец на том свете. Удовлетворенность ума — признак его ограниченности или усталости» (М. Монтень).

Увы, мы более привыкли к иному отношению к теории, исходящему из представления о «сакральности», «богоданности» идеологической схемы. Сторонникам тех или иных взглядов они (взгляды) кажутся единственно верными, любое отступление от них расценивается как ересь, предательство прогресса или национальных интересов. Часто ли в истории России или ее настоящем проявлялась и проявляется действительная соборность? Нет, к сожалению,

соборность была и остается уделом немногих. Соборны Сергей Радонежский и Андрей Рублев, Серафим Саровский и другие великие святые подвижники земли Русской; соборна ее культура; соборны, несмотря на различия в убеждениях, русские философы от Владимира Соловьева до Николая Лосского; соборны авторы социальных крестьянских утопий XVIII—XIX вв. Гораздо чаще, однако, встречаются в нашей истории проявления не соборности, но — общинности, философии и психологии непространственной тесноты, желания быть как все.

Общинное единение — это единение не на духовной почве, а на основе единокровного отношения к месту и времени. Главное здесь не в соответствии целей и методов достижения высокому идеалу, а в нежелании брать на себя ответственность, в комфортности единиц, составляющих толпу, в уверенности, что некто ведет всех правильной дорогой, в боязни духовно выпасть из сообщества сограждан. Общинность не делит свой мир на «я» и «другие» — это означало бы необходимость оценки себя со всех сторон, выделения себя из среды подобных. Общинный организм необычайно жизнестоек и весьма консервативен. Он помогает своим членам выжить в любых условиях — но не более того...

Разрыв же человека с общинными связями означает попытку прорваться из надоевшего, но привычного «мы» в манящее свободой, но пугающее ответственностью «я». И этот почти крестный путь не приносит проделавшему его облегчения. Выясняется, что и «я» — это еще не свобода, а лишь прорыв к воле, которая заключает в себе новую несвободу. Свобода и воля — извечное противостояние и противопоставление на Руси и в России. Свобода является понятием историческим, ее можно завоевать или потерять. Важно одно — принять ее правила. Она позволяет делать все, что не противоречит свободе других, что не запрещено законом. Такой свободы русский человек не знал на протяжении веков.

Ему оставалась воля как последнее прибежище от рабства. Воля, внутренняя и внешняя, — состояние естественное, может быть, генетическое, или с нею рождаются, или она отсутствует. Она проявляется или в уходе внутрь себя, к душе, или в мгновенном взрыве, когда человек требует не то, что возможно, а все сразу, немедленно, невзирая на последствия, не учитывая традиций. Крестьянский бунт, обреченная жертвенность выступлений революционеров,

одиночный протест В. С. Печерина, как и пророчество
 пушкинского Юродивого в «Борисе Годунове» и смирение
 толстовского Платона Каратаева, — явления одного поряд-
 ка, явления русской воли.
 История всегда трагична. Трагичен исторический путь
 России. Трагично извечное противостояние соборности и
 общинности, свободы и воли, «мы» и «я». Трагичен поиск
 истины, духовного предназначения в истории. На грани
 именно этих противопоставлений построены важнейшие
 философские и психологические открытия XX в. Россия су-
 мела показать миру, что человек — существо самоценное,
 поскольку обстоятельства места и времени должны
 оцениваться именно по тому, насколько они дают возмож-
 ность раскрыться человеческой личности. Через свою дол-
 гую несвободу россияне показали миру не только ценности
 свободы, но и ее истинную меру. Это достижение над-
 национальное и, пожалуй, не подверженное корректировке
 временем.
 В «Подростке» Ф. М. Достоевский написал удивитель-
 ные в их пророческой силе слова: «Одна Россия живет не
 для себя, а для мысли; и согласись, мой друг, знамена-
 тельный факт, что вот уже почти столетие, как Россия
 живет решительно не для себя, а для одной лишь Европы». «подсказ-
 ка», да это и не важно. Важно то, что нам пора перестать
 служить суфлером, пришла пора выходить на сцену.
 А значит, надо начинать жить не только для мысли, а с
 мыслью — для себя.
 Сегодня Россия — на переломе, в стремительном и
 трагическом потоке перемен, в мучительном поиске исто-
 ков, смысла, значения своей истории, своего места, своих
 первоначал. Преодоление барьеров, терпимость и ува-
 жение к чужим взглядам, приобщение к накопленным
 человечеством и русской историей ценностям оказались
 процессом болезненным, трудным, процессом преодоления
 истории и возвращения к ней одновременно, процессом
 постижения вечных истин и глубинных начал, процессом
 восстановления казавшейся безвозвратно утраченной пре-
 емственности между прошлым, настоящим и будущим
 великой страны. Процессом пробуждения чувства Родины,
 наконец. А оно «должно быть строго, сдержанно в словах,
 не речисто, не болтливо, не «размахивая руками» и не вы-
 бегая вперед (чтобы показаться). Чувство Родины должно
 быть великим горячим молчанием» (В. В. Розанов).